

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ
АЛЁНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ПОСТНИКОВОЙ
«РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА.
ИСТОРИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО МИФА»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСТКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ
5.6.2 «ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ»

Проблема соотношения истории и памяти является одной из самых обсуждаемых, а, возможно, и самой важной для дальнейшего существования истории как специфической отрасли знания и для судеб сообщества историков как определенной социо-профессиональной группы.

Автор диссертации рассматривает эту проблему на примере памяти о Русской кампании Наполеона в 1812 году, как самой Франции, так и в Западной Европе в целом.

Каким образом события, хорошо описанные и изученные историками, откладываются в образах прошлого в сознании людей, причем зачастую формируя столь непохожие друг на друга картины? Как индивидуальная память участников похода «Великой армии» в Россию трансформируется в коллективную память, а затем и в память культуры? Что влияет на этот процесс и какова при этом роль властей, средств массовой информации, писателей, людей искусства? Как сосуществуют образы данного события в коллективной памяти разных стран и возможно ли формирование на их основе некоей новой, транснациональной памяти?

Сегодня подобные вопросы не просто актуальны, а как никогда злободневны. Но интерес к ним историков, философов, психологов и социологов возник не сейчас, но как минимум полвека, а то и век назад. Обратной же стороной популярности *Memory Studies* является повышенная плотность освоения данной области различными авторитетными теоретическими конструкциями. Они оперируют целым арсеналом терминов, таких как «архивная память», «виртуальная память», «мемориальные нарративы», «коммеморативные стратегии», «мемориальная виктимизация», «мемориальная безопасность», «культура забвения» (Пол Коннертон, в частности, выявляет шесть разных типов забвения). Список терминов, связанных с изучением процессов формирования памяти и забвения можно продолжать еще очень долго. Разбираться в лабиринтах подобных теоретических построений очень интересно, но времени на изучение собственно истории и конкретных форм памяти тогда не останется.

Поэтому трудно не согласиться с заключением автора, сделанным после того, как им было продемонстрировано основательное знакомство с классическими и самыми новыми работами в области теории исторической памяти: «Возможно, пройденный постмодернистский цикл осмысления феномена исторической памяти подтверждает, что методология, сформированная на конкретном историческом материале, обладает большей устойчивостью, чем та, которая рождена в оторванных от конкретной реальности прошлых дискуссиях». (с. 46)

А.А. Постниковой удаётся пройти по лезвию бритвы, с одной стороны удачно оперируя категориями *Memory studies*, а с другой – опираясь на богатейший конкретно-исторический материал.

В диссертации последовательно рассматриваются разные слои памяти о русской кампании Наполеона: сначала – письма участников похода и современные походу газетные статьи, затем – мемуары, как написанные вскоре после возвращения домой, так и отстоящие от 1812 года на десятилетия. Некий промежуточный тип между мемуарами и историческими исследованиями являются исторические описания военных действий, принадлежавшие перу участников событий, таких, как, например, Антуан -Анри Жомени, воспетый Денисом Давыдовым. Далее автор рассматривает труды авторитетных историков, изучавших этот поход, сочинения писателей и поэтов, сценические постановки, полотна художников, для более поздних эпох – кинофильмы, материалы выставок, и, наконец, высказывания политиков, элементы «политики истории» во властном дискурсе.

Автор последовательно описывает образ похода в Россию, сложившийся в период Реставрации, Июньской монархии, Второй империи, Третьей республики (специально рассматривается межвоенный период), эпохи Четвертой, а затем и Пятой республики, с особым вниманием к периоду, пройденному ею уже в XXI веке.

В объемной IV главе своего исследования А.А. Постникова каждый из параграфов посвящает особенностям образа Русской кампании Наполеона, характерным для исторической памяти Швейцарии, Италии, Германии, Польши, как стран - участниц «армии двенадцати языков» а последний параграф несколько неожиданно отведен Англии. Речь идет здесь о своеобразном эксперименте – насколько образ Русского похода Наполеона в исторической памяти этой страны, бывшей главной противницей Бонапарта и союзницей России, отличается от «континентальной модели» наполеоновского мифа? Результаты оказались весьма интересными. Забегая вперед,

можно сказать, что, пусть и своим путем, но британцы также пришли к трактовке Русского похода 1812 года как образца стойкости европейского солдата, как столкновение цивилизации с варварством. Последнее не смогло одержать ни одной победы, но лишь мороз и неустроенность страны вынудили «Великую армию» к отступлению. Причем отдельные более взвешенные оценки профессиональных историков (например, Доминика Ливена) не меняют общей картины.

Учитывая специфику диссертации, отделить историографию от источников весьма непросто. Один и тот же историк, хоть Адольф Тьер, хоть Мари-Пьер Рей, одновременно выступают и как исследователи проблемы и как акторы в процессе формирования образа наполеоновского похода в Россию, иначе говоря, их тексты могут использоваться А.А. Постниковой уже в качестве источника.

Разнообразие источников, привлекаемых автором, поражает, равно как и масштаб временного охвата исследования. Понятно, что ни о какой исчерпанности в данном случае речь идти не может. Количественные подходы к анализу источников представлялись бы здесь неуместными, ведь если подвергнуть контент-анализу, например, все опубликованные письма участников похода в принципе возможно (хотя результаты затраченных усилий будут неочевидны), то проделать это же применительно ко всему, что было написано о Русской кампании 1812 года более чем за два века – задача уж совсем нереальная. Поэтому анализ возможен только качественный. И все же хотелось бы хоть какой-то определенности: сколько всего неопубликованных писем, дневников, мемуаров было привлечено? Если не все, то какую часть они могут составлять от общего их числа? 80 опубликованных мемуаров и 14 дневников – это вообще все из выявленных на сегодняшний день, или какая-то часть из них? Я не думаю, что если выяснится, что дневников не 14, а 17, это сильно повлияло бы на выводы диссертации, точно так же, как если бы к списку из шести фильмов о войне 1812 года добавить еще и франко-американскую ленту «Любовь и смерть» Вуди Аллена, то это вряд ли оказалось критичным для концепции автора.

Сложнее с литературными произведениями и историческими сочинениями. Их вроде бы много, но они явно не все. И здесь автор в праве что-то выбирать, а что-то оставлять без внимания. Но лучше было бы при этом как-то обосновать свой выбор.

Теперь позволю себе предложить некоторые дополнения.

В разделе, посвященном эпохе Реставрации, я бы уделил место поэзии Ж.-П. де Беранже, чей уровень популярности был необычайно высок. Он – один из самых влиятельных

творцов «наполеоновской легенды» в ее демократическом варианте. Когда в 1828 году Беранже в очередной раз был арестован за публикацию своих стихов, среди многочисленных его посетителей были Виктор Гюго и Александр Дюма, также много сделавшие для героизации Бонапарта, в том числе и его трагического Русского похода. Чрезвычайно популярен Беранже был и в России – достаточно вспомнить его знаменитое стихотворение «Старый капрал» в переводе В.С. Курочкина. Ветерана наполеоновской армии ведут на расстрел его же солдаты, а он ими командует. Многие не могут сдержать слез, рыдает и мать молодого солдата, спасенного капралом, который на руках вынес ее сына из снегов России.

В разделе об образе «Русской кампании» в период Второй империи, автор справедливо указывает на то, что Крымская война актуализировала во Франции «образ русского солдата как варвара, не имеющего ни малейшего представления, в отличие от французского военного о морали и нравственности» (с. 219). Неудивительно, что кампанию 1853 года сравнивали с походом «Великой армии», тем более что в обоих случаях России в какой-то мере противостоял «объединенный Запад». Но речь шла о чем-то большем, чем аллюзии. Вся внешнеполитическая доктрина и амбиции Николая I базировались на славном наследии 1812 года, о чем постоянно напоминали как российским подданным, так и всему миру. Наполеон III, который поначалу искал союза с Русским императором, но был им высокомерно отвергнут как нелегитимный правитель, рассматривал Крымскую кампанию в качестве реванша за неудачу своего великого предка. В своем стремлении он опирался на поддержку миллионов французов. В этом отношении примечательно сатирическое издание «Истории Святой Руси», опубликованное в 1854 году с гравюрами тогда еще молодого Гюстава Доре. (HISTOIRE PITTORESQUE, DRAMATIQUE ET CARICATURALE DE LA SAINTE RUSSIE D'APRÈS LES CHRONIQUEURS ET HISTORIENS NESTOR, NIKAN, SYLVESTRE, KARAMSIN, SÉGUR, ETC. COMMENTÉE ET ILLUSTRÉE DE 500 MAGNIFIQUES GRAVURES PAR GUSTAVE DORÉ)

Карикатуры представляют историю России с древнейших времен до современности. Война 1812 года иллюстрирована гравюрами, на которых на фоне пылающей Москвы изображалось то, как русские подкупают царя-Мороза, чтобы он изгнал врагов, а далее последовала конная атака термометров на отступающую французскую пехоту (р. 133). Что касается Николая I, то он, желая напугать врагов, открывает ящик, из которого, как чертик на пружине выскакивает пугающая фигура казака с пикой, увенчанной флажком с цифрами 1812. Но это зрелище лишь заставляет храбрых французских солдат хохотать до упаду (р. 187). В конце книги Наполеон III в окружении троих союзников запихивает

царю в пасть те же цифры, приговаривая; «Старик, ты столь долго разжевывал нам свой 1812, что теперь - глотай!» (р. 203).

Более, чем символично, что тогда же, на авеню Обсерватуар в Париже, на месте казни маршала Нея (командовавшего своим расстрелом совсем как «старый капрал» Беранже) ему был воздвигнут памятник работы Франсуа Рюде с надписью на пьедестале: «принц Москворецкий» и с характерной датой - 1853.

Характеризуя образ Русского похода, установившийся после 1870 года, автор справедливо замечает, что «в сознании общества поход в Россию воспринимался и как результат роковой ошибки императора и, одновременно, как воплощение «моральной победы» французского солдата» (с. 229). С этим трудно не согласиться, но мне кажется, что период III республики – период окончательной профессионализации истории и активной, вполне осознанной «исторической политики», заслуживает более пристального внимания. Помимо прочего Франция после Седана оказалась весьма умелой в оперировании «памятью-поражением», чему может свидетельствовать памятник «французскому льву» на Площади Данфер-Рошро в Париже. К тому же менялось отношение к России, расширялся круг привлекаемых источников, иначе расставлялись акценты. В этой связи мне было бы интересно узнать, не оказал ли какое-нибудь воздействие на французскую образованную публику перевод романа «Война и Мир», осуществлённый в 1879 году? Сам Л.Н. Толстой внимательно изучал труды Адольфа Тьера, хотя и не разделял его оценок. Но было движение в обратную сторону?

Изменение статуса истории в «республике профессоров», как называли Францию этого периода, может иначе сформулировать проблему формирования образа войны. До сих пор в коммуникациях историков, общества и власти речь шла о разнообразии позиций авторов исторических трудов: был авторитет Тьера, но был и авторитет Мишле или Кинэ. Разумеется, разнообразие сохраняется и в III республике, но теперь можно говорить о некоей «доксе», которая легла в основу республиканского исторического мифа, просуществовавшего не менее ста лет и удерживавшего Францию от новых революций и гражданских войн. Такой доксой, на мой взгляд, стал так называемый «Большой Лависс» - многотомная история Франции, изданной под редакцией Эрнеста Лависса и дополненная «Всеобщей историей» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо. Это был коллективный труд, написанный самыми уважаемыми историками, выдержанный вполне в духе знаменитого «Введения в изучение истории» Ланглуа и Сеньобоса. Раздел о наполеоновских походах писал сам Альфред Рамбо, и, надо признать, что российская кампания описана им весьма взвешенно, в согласии с принципами научной объективности, насколько это было

возможно. Официальная версия была создана, а далее от нее уже можно было отклоняться в ту или иную сторону, развивая свою интерпретацию с разной степенью страстности. С конца XIX века во французской историографии сложилось такие неписанные правила, согласно которым наличие общепризнанной версии, выдержанной в «научном» (позитивистском, объективистском) духе и часто оспариваемой самими же историками, все же давало им право выступать в роли поборников научности истории, противостоя «любителям», ретивым популяризаторам, а то и властям, злоупотреблявшим игрой историческими примерами. «Докса» менялась, но конфигурация в мире исторического знания оставалась прежней. Через сто лет элита французского сообщества будет сопротивляться попыткам Николя Саркози создать «Музей истории Франции». Особенно возмущало их желание 23-го президента Республики «дать французам такую историю, которой они могли бы гордиться». Для защиты истории от попыток ее практического использования был создан «комитет бдительности» (Comité de vigilance face aux usages publics de l'histoire) в 2006 г, а в 2008 г. в Блуа было подписано воззвание за свободу истории, ставшее основой для создания еще одного объединения историков.

Историки, таким образом пытаются сохранить свою монополию на «правильное» знание, успешно противодействуя властям. Но могут ли они противостоять общей эволюции массовых исторических представлений и запросов общества на тот или иной образ прошлого?

В Диссертации упоминаются школьные учебники, но очень редко. А ведь начиная с момента, когда образование стало всеобщим, картинка, закладываемая в школе, создавала матрицу для формирования образа прошлого. Не обязательно, чтобы человек в дальнейшем руководствовался именно этой картинкой. Он мог затем ее высмеивать, строить свою альтернативную версию, но и в этом случае школьный курс представляется чрезвычайно важным хотя бы как отправная точка. В этом отношении хорошим ресурсом для исследования национального исторического мифа Франции является так называемый «Малый Лависс» - «элементарный» иллюстрированный курс истории для начальных школ под редакцией все того же Эрнеста Лависса, впервые изданный в 1884 г. Этот учебник был отнесен Пьером Нора к одному из «Мест памяти». На «Галлике» доступно последнее предвоенное издание этого учебника (1913 г.). О Наполеоновских войнах там повествуется в двух главках: №19- «Победы» заканчивается рассказом об Аустерлице и №20 «Неудачи» знакомит лишь с Русским походом и Ватерлоо. Краткое содержание главы («фонарик») гласит, что «Наполеон одержал много побед, но он слишком любил войны. Он напал на Русского императора, который не хотел ему подчиниться. Он дошел

до Москвы, но на обратном пути вынужден был сражаться зимой. Много его солдат погибли от холода и голода. Большая часть его армии была разбита» (р.157). В основном тексте говорится о тяжелых сражениях (без уточнения), о сожжении Москвы (но без декламаций о варварстве русских), в подробностях рассказано о страшных лишениях армии, отступающей по снежной дороге. Ученикам даже дано задание самостоятельно составить рассказ об отступлении армии по опорным словам: «холод снег, голод». Березина не упомянута (учебник не терпит неоднозначности), равно как не говорится, что в походе участвовали не только французы. В конце сообщается, что из 500 тысяч солдат, отправившихся в Россию, не менее 300 тысяч погибли в России.

«Малый Лависс» оставался основой исторического образования в начальных школах до конца 1950 -х годов, но и позднейшие учебники следовали матрице, ставшей основой для национального «республиканского мифа». И только в самом конце века началась деконструкция старой схемы – утверждались права меньшинств и новая европейская идентичность. Ученик Ж. Тюляра, Димитри Казали, историк-популяризатор правого толка, с возмущением писал в 2011 г., что великие личности исчезают из новых учебников истории, что ради европейской политкорректности больше не упоминаются военные победы Наполеона, а сам он фигурирует лишь как автор «Кодекса». На свой страх и риск Казали продолжил «Малый Лависс», доведя повествование учебника до начала XXI века. Издание имело успех у публики, но вызвало шквал критики со стороны историков и журналистов. В последней своей книге, вышедшей в прошлом году: («Napoléon. Dans l'intimité d'un règne»), он защищает императора от обвинений в сексизме, расизме, жестокости и экспансионизме.

Кончилась ли в Европе эпоха национальной памяти и национальных учебников - покажет время.

Из обобщений. сделанных А.А. Постниковой на основе анализа всего комплекса научных и художественных текстов, а также изобразительных материалов, образ сражения при Березине предстает как торжество духа последних солдат «Великой армии», их стойкости, жертвенности, верности долгу, а поскольку речь идет еще и о национальной памяти швейцарцев, немцев, поляков, то и об особой верности Наполеону, воплощавшего собой на тот момент «европейскую идею». Однако, как указывает сам автор, в газетной лексике и в просторечье слово «Березина» имеет совсем иной смысл. Если говорят, что президента на выборах ждет Березина, то это никак не комплимент его силе духа.

Иного значения, кроме «разгрома, поражения, попадания в крайне неприятную и опасную ситуацию» словари французской лексики для «Березины» не указывают.

То ли язык оказывается умнее историков, писателей и кинематографистов, то ли существуют параллельные реальности памяти о войне – мифологическая и бытовая. Над этим вопросом стоит еще подумать.

Из обычных, более частных замечаний отмечу, что в тех случаях, когда речь не идет об авторском переводе той или иной цитаты, а тем более – стихотворного текста, стоит указывать имя переводчика.

Я не могу согласиться с авторской оценкой произведения Артура Конан-Дойля «Подвиги Бригадира Жерара». Русский поход отнюдь не является центральным сюжетом этого цикла, кстати, лишённого пафоса героизации. Ирония, тем более - английская, да еще и в отношении французов – вообще трудно поддаётся однозначному толкованию. Бригадир Жерар вызывает симпатию, но показывая его склонность к декларациям, автор всегда старается несколько «заземлить» героический дискурс этого персонажа. Но в России бригадиру не понравилось, с этим не поспоришь.

В целом же у меня нет сомнений в ценности главного вывода диссертации о том, что память о войне 1812 года не является чем-то статичным, но подвержена изменениям, в том числе и под воздействием конъюнктурных факторов. Но при сохранении национальной специфики, эта война является своеобразным общим «местом памяти» для многих европейских стран. Добавлю от себя, что сколь бы ни был труден путь к интеграции национальной памяти в единую транснациональную, общеевропейскую, сколь бы ни были сильны различия в проявлениях, скажем, польской или итальянской памяти об этом событии, они находятся гораздо ближе друг к другу, чем к той форме памяти, которая бытует в России.

Высказанные выше замечания носят по большей части рекомендательный характер и являются приглашением к дальнейшей дискуссии. Они никак не отменяют общей основательности проделанной работы, которую следует признать состоявшейся и весьма актуальной во всех смыслах.

Диссертация А.А. Постниковой обладает несомненной научной ценностью и вносит существенный вклад в разработку важной для нашей науки темы,

солидно обосновывая все положения, вынесенные на защиту. Диссертационное исследование выводит изучение исторической памяти на принципиально новый уровень, обобщая предыдущие эмпирические исследования. Работа имеет высокую степень апробации в публикациях и докладах автора. Содержание автореферата соответствует тексту диссертации.

Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.2. «Всеобщая история». Таким образом, работа А.А. Постниковой соответствует требованиям пунктов 9-11 и 13-14 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор Алена Александровна Постникова достойна присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. «Всеобщая история».

Официальный оппонент:

Член-корреспондент РАН, д.и.н., профессор

Зав. Отделом Западноевропейского Средневековья

и раннего Нового времени

Института Всеобщей Истории

Российской Академии наук

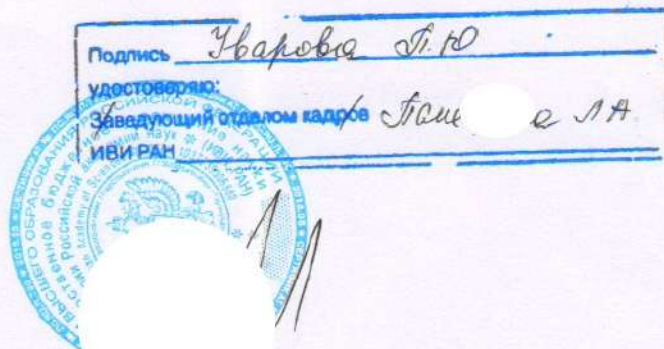
Адрес места работы:

Москва, 119334 Ленинский проспект, д. 32 а

Тел : 8 (495) 938-13-44

dir@igh.ru.

Уваров Павел Юрьевич

От. апреля 2022 г.